

200

лет назад,
24 июля 1802
года, родился

человек, подаривший миру афоризм «История — это гвоздь, на который я вешаю свои картины» и девиз «Один — за всех и все — за одного». По плодовитости он мог бы претендовать на почетную строку в Книге рекордов Гиннесса, если бы его не опередила Мери Фолкнер, опубликовавшая 904 романа. Но зато в списке его шедевров — «Граф Монте-Кристо», «Королева Марго». И — на все века и поколения вперед — «Три мушкетера».

Кто помнит сейчас положенные в их основу полумемуары Куртиля де Сандра? А Д'Артаньяну, Атосу, Портосу и Арамису на роду написано тревожить воображение все новых и новых поколений юности. Тревожить верностью не столько королю, сколько дружбе и чести.

Правда, юность берет в путеводители, как правило, лишь первую книгу этого великолепного книжного, как теперь сказали бы, сериала, в финале которого — ради все тех же дружбы и чести — Портос, как атлант, принима-

ет на себя тяжесть гигантской скалы. И погибает, не изменив девизу своей молодости.

Человека звали Александр Дюма-отец, потому что был еще Александр Дюма-сын, написавший «Даму с камелиями». Но работоспособность отца не шла ни в какое сравнение, была поистине нечеловеческой. Правда, именно от него, говорят, пошла такая распространенная ныне традиция, когда на содержании у мэтра трудятся когорты литераторов, а сам он дает общие идеи и наносит заключительные мастерские мазки.

Это было, по сути, целое акционерное общество «Александр Дюма-отец и К°». Но как все-таки современности не хватает таких мэтров, как Александр Дюма!

Не потому ли, что при всей очевидной принадлежности его романов к авантюрно-детективно-приключенческой литературе он часто хотел сказать и говорил читателю нечто более серьезное, глубокое?

Вот тот же «Граф Монте-Кристо». Благородный мститель в длинном ряду от Робин Гуда и Дубровского до нынешнего кинематографического «Ворошиловского стрелка», беруший на себя миссию правосудия, когда его не в силах вершить погрязшее в коррупции общество? В глазах не утруждающего себя углублением в суть дело обстоит именно так. Но это и так, и — не так. Все достойное наказания должно быть наказано, все достойное поощрения — поощрено. Иначе нарушится нравствен-

он путешествовал по предреформенной России) — путевые заметки «Из Парижа в Астрахань» и роман о восстании декабристов «Учитель фехтования», — почти физически ощущаешь, как свободно обходится он со своими личными впечатлениями от увиденного и услышанного, как борются между собой его неумное воображение и честное стремление понять фантазмагорические хитросплетения неблизкой для него российской истории.

Не нам с вами судить, насколько свободно он обходился и с «гвоздем» истории своей Франции, ибо об этой истории мы сегодня во многом судим по его романам. И какое нам дело до того, каким на самом деле был Лю-

НАШИ ДАТЫ

КАРТИНКИ ДЮМА ОКАЗАЛИСЬ КРЕПЧЕ ГВОЗДЯ ИСТОРИИ

ное равновесие в мире, в разгон пойдут лицемерие, энтрония, беззаконие.

Вот в чем тут соль. И еще в том, что справедливость, власть «нравственного закона во мне» герой Дюма вынужден утверждать инкогнито от общества. Счет его мести и его благодарности — личный, индивидуальный, тайный от всех. И не потому ли финал его, по существу, не менее трагичен, чем финал мушкетерского сериала? Ибо, стремясь восстановить этическое равновесие в обществе таким путем, Эдмон Дантес дает начало новой потере равновесия.

Когда читаешь написанное Александром Дюма о нашей стране (в 1858 году

довик XIII? Мы-то с детства, с самого первого прочтения «Трех мушкетеров», знали, что

Был королем он с головы до пят.

И мушкетеры лишь ему служили,

И лишь ему горлачили:
«Виват!»,

И за здоровье королевы пили.

И то была история сама
Иль копия ее, по крайней мере,

Под фонограмму.
И никто не верил,
Что это все насочинял
Дюма.